

Научная статья

УДК 811.512.151

DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке

Надежда Романовна Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет

Горно-Алтайск, Россия

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Аннотация

Цель статьи – выявление этнокультурной семантики зоонимов, обозначающих представителей семейства беличьих, в алтайском языке. В анализе лексических единиц применялись сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, компонентного и контекстуального анализа. Материал для анализа зоонимов извлекался из словарей, фольклорных, художественных текстов, а также из речи носителей алтайского языка. Новизна исследования заключается в рассмотрении семантических и мотивировочных признаков зоолексем, обозначающих представителей семейства беличьих, а также в выявлении принципов их номинаций.

Метафоры и метонимии, связанные с беличьими, возникли в охотничьем лексиконе для косвенной номинации животных на основе определенных денотативных признаков их внешности и стереотипов поведения, местообитания, а также на основе метафоризации и коннотации. Одним из способов репрезентации зоонимов является образная номинация животных по звукам, издаваемым ими. Для номинации животных используются эвфемизмы, звукоподражательные глаголы и междометия. Другим способом номинации животных является их наименование по окрасу, обладающее метафорической образностью и эмоциональной оценочностью. Метафорическое отождествление животных из семейства беличьих с другими представителями животного мира придает яркую образность этим эвфемизмам.

В контексте антропоцентризма языка в функционировании зоонимов-беличьих наблюдается, с одной стороны, явная зооморфизация человека, с другой – антропоморфизация и мифологизация животных. При антропоморфизации образа животного перенос происходит на основе семантических признаков – морально-этических, эмоционально-психических, социальных: «жадный» (о бурундуке), «обидчивый» и «хитрый» (о суслике). Социальные метафоры возникли на основе отождествления белки с «собирателем дани», сурка с «хозяином» степи, имеющим «слуг».

При зооморфизации перенос признаков животного на человека основывается на оценке его морально-этических, физических и интеллектуальных качеств. Метафорические номинации белки и суслика обозначают быстрого, шустрого, трудолюбивого человека, метафорические номинации сурка – ленивого. Образу суслика уподобляется хитрый, глупый, вороватый человек, захватывающий чужое; образу бурундука – жадный, а также наивный, доверчивый человек; с бобротом отождествляется мудрец, уважаемый старец.

Можно сделать вывод, что зоонимы, обозначающие отдельные виды семейства беличьих, широко представлены в алтайском языке, о чем свидетельствуют материалы различных текстов. Они образуют особое лексико-семантическое пространство и составляют важный фрагмент языковой картины мира алтайцев со всей совокупностью приобретенных ими ассоциаций и оценочных коннотаций.

Ключевые слова

алтайский язык, зооним, зооморфизм, денотативное и коннотативное значения, семантический признак, языковая картина мира, лингвокультурология, метафора

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по проекту № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

© Ойноткинова Н. Р., 2025

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Зоонимы, обозначающие семейство беличьих, в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 23, № 1. С. 19–32. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

Zoonyms Denoting the Squirrel Family in the Altai Language

Nadezhda R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai,
Russian Federation

sibfolklore@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5767-7085>

Abstract

The purpose of this article is to identify ethnocultural semantics of zoonyms denoting species of the squirrel family in the Altai language. In the analysis of lexical units, a comparative method was used, as well as methods of semantic, component and contextual analyses. The material for the analysis of zoonyms was extracted from dictionaries, folklore, literary texts, as well as from the Altai native speakers' discourse. The novelty of the study lies in the consideration of the semantic and motivational features of zoolexemes denoting the squirrel family species as well as in identifying principles of their nomination.

Metaphors and metonyms associated with squirrels appeared in the hunting lexicon on the basis of certain denotative signs of their look and behaviour stereotypes, habitat, as well as on the basis of metaphorization and connotation. One of the ways of representing zoonyms is figurative characterization of animals by the sounds they make. Euphemisms, onomatopoeic verbs and interjections are used to nominate the animals. Another way to nominate animals is their color designation, which has metaphorical figurativeness and emotional evaluation. Metaphorical identification of the squirrel family animals with other animals gives vivid imagery to these euphemisms.

In view of anthropocentric nature of language, squirrel zoonyms functioning, shows a clear zoomorphization of a person on the one hand, and anthropomorphization and mythologization of animals, on the other. When anthropomorphizing the image of an animal, transference occurs on the basis of semantic features – moral, ethical, emotional, mental, social: “greedy” (about a chipmunk), “touchy” and “cunning” (about a gopher). Social metaphors are based on the identification of a squirrel with a “collector of tribute”, a marmot with a “master” of the steppe, who has “servants”. In zoomorphization, transference of animal traits to humans is based on an assessment of their moral, ethical, physical, and intellectual qualities. Metaphorically, a squirrel and a ground squirrel both mean a fast, nimble, hardworking person, a marmot describes someone lazy. The image of a gopher is likened to a cunning, stupid, thieving person, capturing someone else's; the image of a chipmunk is that of a greedy, naive, and gullible person; a sage, a respected elder, is identified with the beaver.

To conclude, animal names denoting species of the squirrel family are widely represented in the Altai language, as a variety of texts shows. They make up a special lexico-semantic field and are a significant fragment of the Altai world view with a large number of associations and evaluative connotations they acquired in the process of their functioning.

Keywords

Altai language, zoonym, zoomorphism, denotative and connotative meanings, semantic feature, language world view, cultural linguistics, metaphor

Funding

The study was carried out under the project of the Russian Science Foundation, No. 23-28-10028 “Language world view of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna”.

For citation

Oinotkinova N. R. Zoonyms denoting squirrel-like rodents in the Altaic language world view. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 19–32. DOI 10.25205/1818-7935-2025-23-1-19-32

Введение

Наименования животных в языке отражают специфику национальных представлений об окружающем мире и человеке. Цель данной статьи – выявить этнокультурную семантику

зоонимов, входящих в лексико-семантическую группу беличьих в алтайской языковой картине мира. В отечественной лингвистике проблема языковой картины мира рассматривалась такими лингвистами, как Ю. Н. Караулов, С. А. Васильев, Г. В. Колшанский, Е. С. Яковлева, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Е. С. Кубрякова и др. В их трудах отмечается, что языковая картина мира обусловлена этническим языком и репрезентирована в нем, поэтому она не имеет глобального характера, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней присутствуют. Актуальность темы и цели нашего исследования определяются ее недостаточной разработанностью в языкознании, а также отсутствием исследовательских работ по комплексному изучению зоонимической лексики алтайского языка, отражающей языковую картину мира этноса. Изучение национально-культурных особенностей этих языковых единиц является значимым для понимания универсальности или специфичности языковых картин мира.

В работе применялся сравнительно-сопоставительный метод, а также методики семантического, контекстуального и компонентного анализа. Провести семантический анализ алтайских зоонимов означает определить элементарные смыслы, денотативные и коннотативные признаки лексем, выявить закономерности их сочетания в семантической структуре зоонима. В лингвистике при иерархическом подходе к лексическому значению слова, принятом в семиологии, выделяются макрокомпоненты – крупные лексические блоки, которые определяют семантику слова: денотативный и коннотативный. «Денотативный макрокомпонент, основной для большинства слов, представляет собой предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой действительности, объективной или субъективной. Коннотативный макрокомпонент выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата» [Стернин, 1985. С. 34].

Зооморфизмы, переносные наименования животных, относятся к эмоционально-оценочной лексике языка, поскольку с помощью них выражается эмоциональная оценка говорящих к предмету речи. Семантика некоторых зооморфизмов (*такаа* ‘курица’, *пõtүк* ‘петух’, *бөрү* ‘волк’, *айу* ‘медведь’) в алтайской лингвокультуре рассмотрена в статьях Л. Н. Тыбыковой [Тыбыкова, 2006, 2008, 2022]. Коннотативный компонент значения слова связан со своеобразием национального языкового сознания, он может не совпадать с семантической структурой слов в других языках.

Изучая структуру лексического значения слова, мы также рассматриваем принципы номинации. Номинация – это процесс обозначения языковыми номинативными единицами предметов или явлений действительности (денотатов). В основе наименования денотата лежит определенный мотивировочный признак предмета. По мнению В. Г. Гака, «любой предмет, как известно, характеризуется множеством признаков, свойств, отношений... Беря за основу наименования разные признаки, можно для одного и того же класса предметов образовать различные наименования» [Гак, 1972. С. 17]. «Принцип номинации – это исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых именовании... Так, например, на основе обобщения мотивировочных признаков формируется принцип номинации» [Блинова, 1972. С. 99]. Принцип номинации – это обобщение, типизация конкретных мотивировочных признаков номинации.

Материалом нашего исследования послужили опубликованные фольклорные и художественные тексты, а также фразы из разговорной речи, записанные во время полевых исследований в районы Республики Алтай. При выяснении лексических значений зоонимов в алтайском языке мы опирались на различные словари, грамматики и труды исследователей. В тюркологии одной из важных является статья А. М. Щербак «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [Щербак, 1961], в которой даны этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных. Названия животных наряду с другими лек-

сико-семантическими группами в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» [СИГТЯ, 2001].

Исследование

В алтайском языке белкообразные грызуны обозначаются лексемами *тийин* ‘белка’, *өркө* ‘суслик’, *тарбаган* ‘сурок’, *көрүк* ‘бурундук’, *бабырган/багырган* ‘белка-летяга’, *кумдус* ‘бобёр’. Существующие отыменные глаголы *тийинде* = ‘охотиться на белку’, *өркөлө* ‘охотиться на суслика’, *тарбаганда* = ‘охотиться на сурка’ указывают на то, что эти звери являлись объектами охоты. Охотничий промысел в прошлом занимал значимое место в традиционной культуре алтайцев. Многие поведенческие установки и правила во время охоты восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому все живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения духов-хозяев. Для того чтобы охота прошла удачно, совершались определенные ритуалы задабривания духов-хозяев. Кроме того, охотники соблюдали определенные правила поведения: не сжигали шерсть и шкуру добытых животных, не выбрасывали их кости, закапывали останки в землю или прятали в дупло дерева. По представлениям алтайцев, многие животные слышат и понимают человеческую речь, поэтому их называли иносказательными именами и соблюдали определенные речевые и поведенческие ограничения – табу.

Тийин [tiyij] – ‘белка’ (лат. *Sciurus*). Лексема относится к общетюркскому пласту лексики – *deqij [СИГТЯ, 2001. С. 164–165]. Диалектные варианты лексемы в алтайском языке: алт., теленг., телеут. *тийин* [АРС, 2018. С. 675], чалк. *тийын/тийин* [Кандаракова, 2007. С. 28], туб. *тыйин* [РТС, 2019. С. 11], кум. *тийиң, сакыл* [РКС, 2021. С. 21].

Мотивировочные признаки «строение тела» и «окрас», выделенные в метонимиях, обозначающих белку, отражают денотативные признаки образно-лексических единиц: *чырбак/чырбык/шарбак* ‘растопыра, с торчащими ребрами’ (ср. *шарбак кабыргалу мал* ‘животное с торчащими ребрами’; тув. *сырбак* ‘белка-самец’), *сөбк баш* ‘костлявая голова’ [Яимова, 1990. С. 112]. На основе метафоры *чырбык* ‘белка’ произошли мужское имя Чырбык и фамилия Чырбыков. Острые когти на длинных задних ногах позволяют белке легко перемещаться, прыгать и цепляться за дерево: *Кырга чыкса, кыйбадак, / Төрт таманы тайбадак (Тийин)*. ‘Побежит вверх – цепкие ноги, / Четыре лапки растопыренные’ (Белка). В кумандинской загадке белку называют *майрач* ‘кривоногий’: *Тегриден түшкен төрт майрач (Тийин)*. ‘С неба прыгнуло четверо кривоногих’ (Белка) [АЗ, 1981. С. 160].

Метафора *эрмен* ‘красивый, красавец’ (о белке) содержит в себе эстетическую оценку и определяется как единица, относящаяся к экспрессивно-оценочной лексике. Другое метафорическое название белки – *сакыл* ‘(рыжая) лиса’. В его основе лежит перенос названия с одного животного на другое по мотивировочному признаку «рыжий», поскольку этот зверек, как и лиса, может обретать рыжеватый окрас меха (ср. эвенк. *сахел, сахил* ‘лиса’, як. *сахыл* ‘лиса’, *сахыл* ‘рыжеватый, как лиса’ [Яимова, 1990. С. 112]. Метафорический перенос наименования животного и его признака на другое животное является одним из средств образной номинации.

На белок охотятся в основном осенью. Белке с белым окрасом (*ак тийин*) приписывается положительная оценка, так как ее шкурка использовалась в качестве талисмана удачи [ПИМА 5]. В прошлом беличьими шкурками платили подать, поэтому в языке появились социальные метафоры: *салык* ‘подать’, ‘налог’, ‘дань’, *темичи* ‘собиратель дани’. Метафорический перенос наименования, обозначающего социальную роль человека, на животное основан на антропоморфизации животного-зоонима: *Сыргактын бажында сыдыр темичи отуры (Тийин)*. ‘На вершине сухого дерева сидит Сыдыр, собиратель дани’ (Белка) [АЗ, 1981. С. 43].

При зооморфизации образ белки используется для метафорической номинации человека. В ходе полевого опроса было установлено, что в основе метафоры *тийинг* ‘белка’ (о человеке) лежат семантические признаки *капиуун* ‘быстрый’, *jenгил* ‘легкий (на подъем)’, *чекчил* ‘прыткий’: *Тийиндий чекчил болзын, агаи-таишты кырлып жүретен* [ПМА 1]. ‘Пусть будет как белка прытким, лазающим по деревьям’. *Агашка чыгала, кузуктаган уулдарды тийинг деп айдарга жараар* [ПМА 1, 5]. ‘Мальчиков, которые, поднявшись на дерево, спускают кедровые шишки, можно называть белками’. В сравнении *Тийиндий иштенкей бол* ‘Будь как белка работающим’ [ПМА 3] белка характеризуется как «работающее», «шустрое» животное. Мотивировочным признаком метафорического переноса стал признак «действие».

При определении возраста людей белке уподобляется молодой человек, т. е. выделяются семантические признаки «молодой», «быстрый»: *Он – ийт, журме – тийинг, одус – бөрү, төртөн – төө* ‘Десять – собака, двадцать – белка, тридцать – волк, сорок – верблюды’ [ПМА 1]. С волком сравнивается тридцатилетний (т. е. человек, набравшийся жизненного опыта), с верблюдом – сорокалетний (т. е. трудолюбивый).

Словообразовательный потенциал у зоонима *тийинг* ‘белка’ невелик: на его основе в языке образовано наименование ягоды *тийинггат* ‘брусника’ [АРС, 2018. С. 675].

Өркө [örkō] – ‘суслик’ (лат. *Spermophilus*), алт. *өркө*, тув. *өркэ*, хак. *өркэ – өркээ*, якут. *өркө*. Слово распространено в сибирских тюркских и некоторых угорских языках (ср. венг. *ürge*) [Щербак, 1961. С. 148]. По мнению А. М. Щербака, слово *örge* происходит от тюркского глагола *үрк-*, *хүрк-* ‘быть боязливым’, ‘пугаться’ (монг. письм. *ürgü-, hürgü-*); ср. узб. *хурк-*, *хурки* [Там же. С. 148]. Фонетические варианты слова в алтайском языке: алт., теленг. *өркө* [АРС, 2018. С. 530], туб. *өрке* [РТС, 2019. С. 325]. Детеныша суслика, впервые вышедшего на свет из норы, называют *соксо*.

Существуют диалектные названия суслика: *жумуран/жумран, жокулдай, чыбырган* [Яимова, 1990. С. 113]. В русском языке слово *емуран, емуранка* заимствовано из тюркских языков: тат. *jömrän*, башк. *jätgran* ‘суслик’, теленг. *jumran* – ‘маленькое животное, обитающее в степи’, чаг. *jumran* ‘крыса’, узб. *jumrân* ‘суслик’ < тюрк. **jumran* [Аникин, 2000. С. 199]. Иносказание *жумуран* употребляется в речи алтайцев Шебалинского района [ПМА 1, 2, 4]. Суслика также называют именем другого зверька – *ыду ас* ‘вонючий зверь (букв. горностай)’ [РКС, 2021. С. 437].

Отметим, что на суслика охотились часто. О пользе этого животного повествуется в произведениях многих алтайских писателей, поскольку благодаря ему в годы войны люди смогли выжить, питаясь мясом зверька. Большим счастьем для охотника считалось добыть яйцеобразный безоар суслика, из которого делался амулет. Существовало поверье о том, что человек, нашедший такой камень, станет удачливым [Каинчин, 1984. С. 58].

Одним из средств номинации суслика является описание животного по издаваемым им звукам. Денотативные признаки зоонима выражены звукоподражательными глаголами и междометиями: *чаттылдаиш* = ‘кричать, издавать звуки’ в форме совместного залога, «*сойт/кейт/чыт*» *эт* = ‘издавать звуки «сойт/кейт»’: *Ондо-мында корымдар содойыжат, борјон-кујурлар агарыжат, тейлеген айланыжат, өркөлөр чатылдажат* [Каинчин, 1984. С. 94]. ‘Там-тут скалы виднеются, солончаки белеют, коршун кружит, суслики кричат»; *Содон, содон «сойт» эдет, / Кедес, кедес «кейт» эдет, / Бир көрзө, отурат, / Бирде дезе «чыт» эдет (Өркө)*. ‘Вытянувшись вверх, издает звук «сойт», / Оглядываясь по сторонам, издает звук «кейт». Раз посмотришь – сидит, / Второй раз глянешь – его уже нет’ (Суслик).

Следующие примеры иллюстрируют коннотативные значения лексем. При номинации зоонима по цветовому признаку характеризуется окрас животного. Так, окрас бурундука летом желтый, светло-оранжевый, поэтому алтайцы образно-метафорически называют его *кула тай* ‘саврасый жеребец’, т. е. светло-гнедой, красновато-рыжий жеребец: *Кула тайыс култус этти, / Куйругынын бажы сырас этти (Өркө)*. ‘Саврасый жеребчик вдруг исчез, / Лишь кончик хвоста мелькнул (Суслик)’ [АЗ, 1981. С. 47].

Зоониму *өркө* ‘суслик’ приписываются коннотативно-оценочные признаки *сүмелү* ‘хитрый’ и *аамай* ‘глупый’, характеризующие интеллектуальные качества человека: *Кезикте жан-жангы каскан уйдада, өркөлөр жок болотон эмей. Кезик жоон өркөлөр өнөтийин сүрекей жаман ичегенде жадар. ...Сен сүмелү болзон, мен де сүмелү деп айдар керек* [Каинчин, 1984. С. 57]. ‘Иногда в только что вырытых норах сусликов не бывает ведь. Иногда крупные суслики нарочно лежат в очень плохих норах. ...Если ты хитрый, то и я хитер, так говорится’.

Метафорическое выражение *аамай соксо* ‘глупый детеныш суслика’ [ПМА 3] употребляется по отношению к человеческому дитя. В аллегорическом рассказе «Суслик» (Өркө) Л. В. Кокышева [ЧЧ, 2021. С. 13–16] метафора *өркө* ‘суслик’ используется для иносказательной характеристики вора, который берет то, что принадлежит обществу. Отождествление человека с этим зверьком объясняется тем, что животное, делая запасы на зиму, перетаскивает зерно с полей к себе в норку.

Зооним *өркө* ‘суслик’ участвует в словообразовании некоторых топонимов и названий растений, что указывает на его участие в вегетативном коде языка. Так образованы наименования многолетних растений: *өркө-мангыр* ‘лук-слизун’, *өркө-үркене* ‘змеевик живородящий’, *өркөлөн-чечек* ‘касатик низкий’ [АРС, 2018. С. 530]. Путем сочетания существительного *өркө* ‘суслик’ с аффиксом обладания *-лу* и апеллятивов *төн* ‘холм’ и *кобы* ‘лог, ложбина’ образованы топонимы *Өркөлү-Төн* ‘Холм, где обитают суслики’, *Өркөлү Ак* ‘Поляна с сусликами’ [ПМА 3 – Торусhev], *Өркөлү-Кобы* (Ёркёлю-Кобы) (букв. ‘лог с сусликами’) [ТРА, 2022. С. 108]. Эти оронимы образованы на основе мотивировочного признака местонахождения животных в определенном локусе.

Тарбаган [tarbagan] – ‘сурок’ (лат. *Marmota*). Фонетические варианты: алт., теленг., телеут. *тарбаган/тарбаан* [АРС, 2018. С. 654]; кум., туб. *тарбаан*, чал. *тарваан* [РТС. С. 325; РКС. С. 437]. Слово считается заимствованным из монгольского: < монг. *tarbayan* [Рассадин, 2019. С. 158]. В Усть-Канском районе детеныша сурка называют *бардан* [ПМА 3], в Кош-Агачском районе – *мөндөлө* (заим.), ср. тув. *мөнделе* ‘детёныш сурка’ [ТРС, 1968. С. 301], *möndül* (**möndü-l?*) халх. *мөндөл* ‘детёныш тарбагана’ (сурка) [ЭСМЯ, 2016. С. 177].

Эвфемизмы выражают внешние денотативные значения, характерные для зоонима: *чумаш/шумаш*; *кылчыр* ‘косой’, *тырмакту кой* ‘когтистая овца’ [Яимова, 1990. С. 112–113]. Метафора *тырмакту кой* ‘когтистая овца’ появилась на основе сходства строения тела сурка и овцы, а метафора *кара кас* ‘черный гусь’ – на основе того, что сурки живут семьями, данный признак позволяет уподоблять их стае гусей: туб. *Кара кас кангырап ийди, / Палдары жунап келди (Тарбаган)*. ‘Черный гусь крикнул, / Гусята его собрались (Сурок)’ [АЗ, 1981. С. 145]. У сурков окраска меха серовато-палевая, с желтым оттенком. За счет коричневатых окончаний остевых волос общий окрас может выглядеть слегка коричневатым или буроватым.

Охотничье иносказание сурка *анкыйт/танкыйт* (от звукоподражательных глаголов *танкылда* = // *түнкүлде* ‘стучать’) возникло на основе звука, издаваемого этим животным: *Жердин алдында неме түнкүлдейт (Тарбаган)*. ‘Из-под земли слышен чей-то глухой стук (Сурок)’ [АЗ, 1981. С. 43]; *Чөлдиг ээзи – тарбаган. Отура түжүп сыгырап, Жууктап келген, жажынар* [КТ, АЖА. С. 14]. ‘Хозяин степи – сурок. / Присев, свистит, / Приблизись, спрячется’. Глаголы *түнкүлде* = ‘стучать’ и *сыгыр* = ‘свистеть’ также указывают на мотивировочный признак характеристики животного по издаваемым им звукам.

В пространственном коде языка зооним участвует в образовании топонимов. Сурки на Алтае обитают и в таежной местности, поэтому мотивировочный признак «местонахождение животного» послужил основой для образования оронимов *Тарбаганду-Кобы* (букв. ‘лог с сурками’), зафиксированных в разных районах Горного Алтая [ТРА, 2022. С. 109, 182].

Метафора «хозяин степи» указывает на персонификацию образа животного. Сурки ведут себя как разумные существа: они закрывают свои норы изнутри и снаружи. Помощника, который закрывает нору снаружи, охотники называют *жалчызы* ‘их слуга’. Данная социальная метафора основана на признаке социальной иерархии в «обществе»: *Ичегенин оозын бök*

төптран не ол, тарбаан, жоонмойын эш кирбезин деп. Ичегенин тапса, кышкыда жоонмойын киреле, үзе жипкойтран не. Таштарла бөктөптран. Алдынан бөктөн жат, тыштынан бөктөн жат. Тыштындагы тарбаан-жалчызы бөктөйлө, жүре бержат [ПМА 4 – Бачиков]. ‘Вход в нору закрывают они, сурки, чтобы хорек не зашел. Если тот найдет нору, если зимой хорек зайдет, то всех съест. Камнями закрывают. Изнутри закрываются, снаружи закрывают. Тот сурок, что снаружи, слуга, закрыв, уходит’.

Согласно мифу «Сурок» (Тарбаган), сурок – это обиженный охотник, не сумевший попасть в летящую птицу. Он проклял себя, отрезав себе большой палец, и превратился в сурка. Сурок, когда готовит нору, щели замазывает мокрой глиной: «Чтобы в нору сурка вода не попадала, он ход в сторону роет. Его пять пальцев точно такие, как у человека» [НПА, 2011. С. 440, 441].

Зооморфизм *тарбаган* ‘сурок’ репрезентирует ленивого человека (*жалку* ‘ленивый человек’) или любящего поспать (*уйкучыл* ‘любящий поспать’): *Ол тарбагандый уйуктап жаткан* [ПМА 3]. ‘Он спит как сурок’; *Тарбаган жадала, семирер* [ПМА 4]. ‘Сурок лежа жиреет’. Данное выражение находит сходство в русском языке: *Спит как сурок*. Пословица с образом сурка часто характеризует сборище лентяев: «*Көп тарбаган ичеген каспас*» – *дежетен*. – *Көп улус нени эдер. Бой-бойларына адаркажыт, көлзөп базып турганча, күн ажыт, түн кирип калатан туру* [Чунижеков, 1957. С. 142]. ‘Много сурков нору не выроют» – говорят. Много людей что сделают. Пока другу другу завидуют, толпой ходят, солнце сядет, ночь наступит’.

Көрүк [körüк] – ‘бурундук’ (лат. *Tamiini* или *Tamiina*), алт. *көрүк*, тув. *хөрүк*, узб. *күрик*, хак. *көрик*, якут. *көрдүгэс* (*көрдүгэс*) ‘бурый’, ‘с темными полосами’ [Щербак, 1961. С. 145]. Диалектные варианты лексемы: алт., туб., теленг., телеут. *көрүк* [АРС, 2018. С. 383; ТРС, 1995, 46; РТС, 2019. С. 18]; кум. *көрөк*, *күрөк* [РКС, 2021. С. 27; КРС, 1995. С. 34]; чал. *күрек/көрөк/көрык* [Баскаков, 1985. С. 168]. В других тюркских языках, так же как и в русском, употребляется слово «бурундук»: азерб., кирг. – *бурундук*, тат. *бориндик*, узб. *бурундик*. Этимология слова восходит к тюркскому *бурун* ‘нос’ [Там же. С. 145–146].

В народном календаре чалканцев на основе данного зоонима образован хроним *көрүк ай* ‘месяц бурундука’, обозначающий месяц апрель, поскольку бурундуки выходят из нор в конце марта – начале апреля.

Метонимические иносказания о бурундуке основаны на денотативных признаках животного, включающих особенности его строения тела и окраса: *шорур/чокур* ‘полосатый, пестрый’, *бултак жаак* ‘надутая щека’ [Яимова, 1990. С. 113, 118]. Бурундук переносит пищу в своей пасти и прячет ее в определенном месте, потому его иносказательно называют *бултак жаак* ‘надутая щека’. Происхождение фразеологизма *манжалайга тажыткан* ‘медведем отшлепанный’ объясняется известным мифом: медведь исцарапал спину бурундуку, когда тот жадно заготавливал себе на зиму кедровые орехи. Куда в облике медведя, приблизившись к бурундуку, схватив, попытался поговорить с ним. Бурундук хотел вырваться из его лап, но медведь успел исцарапать спину маленькому животному. С тех пор бурундук издает крики, похожие на плач [НПА, 2011. С. 160–163].

Следующий контекст иллюстрирует принцип номинации животного по звуку. При приближении человека бурундук издает отрывистое «цыканье» или свист и бросается бежать: *Каан күнде көрүк — «Күрк-күрк!» — деп эдип турган болзо, жүт болор* [АКК, 1993. С. 310]. ‘Если в ясную погоду бурундук «кюрк-кюрк!» кричит, то ненастье будет’. Этот зверек обладает развитой сенсорикой, что позволяет ему ощущать малейшие изменения окружающей среды и предчувствовать опасные погодные явления. Существует поверье: если бурундук кричит в ясную погоду, то наступят ненастные дни. Во время грозы эти зверьки прячутся в своих норах. В фольклоре алтайцев такое поведение мифологизируется: «Молния бьет в бурундука. Тенгре (букв. ‘Небо’) мстит ему за то, что он выколол глаза младшему сыну Тенгре» [Потанин, 1883. С. 141], т. е. совершил плохой поступок. Поэтому в прошлом охотники делали чучело из бурундука, чтобы шаман в своем ритуале показывал божеству, что провинившийся пойман и наказан: «Бурундука алтайцы убивают и бросают, потому что он что-то на небе неприятное

сделал, и Тэнгри-буркан (Небо-бог) прогнал его на землю. Его натыкают на палочку и, вложив в рот траву, вешают на дерево с западной стороны ствола» [Там же. С. 181]. Траву кладут в пасть животного для того, чтобы он на том свете не смог пожаловаться божееству Нижнего мира Эрлику.

В языке образу бурундука приписываются такие черты человека, как обидчивость, наивность и жадность. Зооморфизм *көрүк* ‘бурундук’ обозначает наивного, доверчивого человека: *Көрүкти көкүдип ийзен, алдына мантап ла келер* [ПИМА 4]. ‘Бурундука подбодришь, он прибежит к тебе’. Среди охотников существует побасенка об обиженном бурундуке, повесившемся на дереве из-за того, что медведь съел его запасы: *Көрүк жаантайын оозында неме сугала жүртран неме не ол. Кышка ла белетенип, жаагы бултук жүрер. Көрүктинг күлтелеп койон курсагын айу табала, чачар, жікойор. Чачса, көрүк ого ачынала, агашка илинеле өлөр деп анай айдар. Та чын, та төгүн неме... Курсагына коршту карам ан дежер* [ПИМА 2]. ‘Бурундук, всегда в своей пасти что-то спрятав, бежит. Готовясь к зиме, с набитыми щеками бегаёт. Медведь, говоря, найдя дупло бурундука, все раскидает, съест пищу. Когда раскидает, бурундук, рассердившись на него, зацепившись за дерево, умирает, так говорят. То ли правда, то ли ложь. Очень жадный на еду зверек, так говорят’. В тексте глагол *ачын* = ‘сердиться’ и прилагательное *карам* ‘жадный’ придают зоониму экспрессивно-оценочную семантику.

Бабырган/багырган [babırgan] – ‘белка-летяга’, ‘летучая белка, или полетуха’ (лат. *Pteromys Volans*). Диалектные варианты лексемы: алт., теленг. *бабырган/багырган* [АРС, 2018 с. 97], чал. *бабырган* [Баскаков, 1985. С. 142], кум. *табырган* [КРС, 1995. С. 72]; туб. *параан, паарган* [РТС, 2019. С. 116]. Слово встречается лишь в южносибирских тюркских языках (ср. кирг. *бабырган* ‘сыч’ [КРС, 1985. С. 81]); тув. *авырган* ‘белка-летяга’ [Щербак, 1961, С. 153], хак. *пабырган – табырган* ‘белка-летяга’ [ХРС, 2006. С. 334, 570]. Алтайцы называют летягу *багырган* букв. ‘кричащий’, от глагола *багыр* – ‘кричать’, видимо, из-за ее низкого голоса, издающего стрекотание поздним вечером.

На белку-летягу не охотятся, поскольку мясо ее не едят. Летяга большую часть жизни проводит на деревьях, в дуплах которых вьет себе гнезда. В своих рассказах носители языка называют на внешность, место их обитания, образ жизни летяги: *Бабырган түнде жүрер анычак, боро өндү* [ПИМА 4]. ‘Белка-летяга – зверек, летающий ночью, с серым окрасом’.

Этот зверек ведет ночной образ жизни, поэтому человек мало встречает его в дневное время, из-за чего образ животного подвергается мифологизации. В прошлом этот зверек был небожителем, небесное божество преследовало его из-за проступка. Летяга случайно пнула в глаз сына верховного божества (в варианте мифа украли колокольчик). Кан-Джаик (божество Верхнего мира) бросился за белкой-летягой, сошел на землю, но не смог найти ее. Белка осталась на земле и стала невидимым духом – *кёрмёсом*. За поимку белки божество обещало вознаграждение, и теперь те, кто обращаются к божеству за благословением или помощью, должны сначала «поймать» белку и привести на суд. Поэтому шаманы перед совершением обряда камлания или охотники перед началом охоты, чтобы она была удачной, приносят белку-летягу в жертву верховному божеству. <...> Считается, что летяга прячется в кедре, так как небо (Ульген) часто мечет в него свои молнии [НПА, 2011. С. 435–436, 144–147].

Кумдус [qumduz] – ‘бобёр’ (лат. *Castor fiber*). Лексема относится к общетюркскому пласту лексики – *qunduz [СИГТЯ, 2001. С. 162]. А. М. Щербак также выделял тюркское происхождение этого зоонима [Щербак, 1961. С. 146–147]. Варианты слова в алтайских диалектах: алт., теленг., телеут., туб., чал., кум. *кумдус* [АРС, 2018. С. 398; Баскаков, 1985. С. 170; Кандаракова, 2007. С. 19; РТС, 2019. С. 14], туб. *камчат* [РТС, 2019. С. 14].

Бобёр – крупный грызун, приспособленный к полуводному образу жизни, обитает в глубоких водоемах с медленным течением, в лесных озерах, ручьях, прудах. В песнях алтайцев с длиной хвоста бобра сопоставляется борода мудрого старца: *Кулаш полгон куйрукту / Кундусты айтсын кылганду. / Курчана түшкен сагалду / Көкүңди айтсын алкышту. ‘С хвостом в сажень / Бобёр невыразимо [красив] шерстью. / С бородой, спущенной до пояса, / Почтенный*

старец невыразимо благословенен' [МАЭ, ф. 11, д. 12, л. 470]. Алтайцы не охотились на бобров, в связи с чем образно-метафорических употреблений в литературе встречается мало.

Заключение

Зоонимы, обозначающие представителей семейства беличьих, являются универсальным средством языка: в процессе означивания они приобрели словообразовательные дериваты, различные ассоциации и коннотации, и участвуют в формировании своеобразного лексико-семантического пространства, представляющего собой фрагмент языковой картины мира алтайцев.

В данной работе были выявлены денотативные и коннотативные значения алтайских зоонимов, их семантические и мотивировочные признаки, а также принципы их номинаций. Денотативные признаки беличьих указывают на особенности строения их тела, окрас, местообитание, повадки. Одним из способов номинации зоонимов является образная характеристика животных по издаваемым ими звукам. Язык зафиксировал определенные звукоподражательные глаголы и междометия, характерные для тех или иных животных. По звукам, издаваемым животными, человек ориентировался в пространстве и времени. Другим способом номинации животных является их наименование по окрасу. Метафоры, указывающие на окрас беличьих (например, *сакыл* 'рыжая лиса' – о белке, имеющей рыжеватый окрас), относятся к эмотивно-оценочной лексике алтайского языка. Особая ценность приписывается белке с белым окрасом, ее шкура наделялась магическим смыслом. Продуктивным также является способ номинации беличьих по месту их обитания. Топонимы с названиями животных (типа *Örkölü-Kобы* 'Лог с сусликами'), вошедшие в топонимию Горного Алтая, свидетельствует о важной роли рассмотренных зоонимов в алтайском языке. В отличие от топонимов названия растений, образованные от этих зоонимов, немногочисленны. Но и они подтверждают важную функциональную роль рассмотренных языковых единиц в означивании языка.

Метафоры и метонимии, обозначающие животных из семейства беличьих, возникли в охотничьем лексиконе для косвенной номинации и оценки животных на основе определенных их семантических и мотивировочных признаков внешности, стереотипов поведения и места обитания. Метафорическое отождествление беличьих с представителями животного мира придает яркую образность и иносказательность речи охотников.

В контексте антропоцентризма языка в функционировании зоонимов-беличьих, с одной стороны, наблюдается зооморфизация образа человека, с другой – антропоморфизация и мифологизация образов животных. В качестве семантических признаков в антропоморфизации следует указать семантические признаки, свойственные для денотата человека: «жадный», «наивный» (о бурундуке), «обидчивый» и «хитрый» (о суслике). Так, метафоры о белке возникли на основе отождествления ее с «собирателем дани», о сурке – с «хозяином» степи, имеющим «слуг». Социальные метафоры являются проекцией «образа» человека на характеристику животного.

Зооморфные *метафоры*, использующие образы животных из семейства беличьих для эмоционально-оценочной характеристики человека, немногочисленны. Это объясняется тем, что об особенностях повадок, среде обитания этих животных знает не каждый. Метафорический перенос признаков представителей семейства беличьих используется для оценки физических, морально-этических и интеллектуальных качеств человека. Метафорические номинации белки и суслика обозначают быстрого, шустрого, трудолюбивого человека, метафорические номинации сурка – ленивого. Образу суслика уподобляется хитрый, глупый, вороватый человек, захватывающий чужое; образу бурундука – жадный, а также наивный, доверчивый человек; с бобром отождествляется мудрец, уважаемый старец. Несомненно, включение знаний о животном мире в систему образных средств характеристики человека, поиски сходства с образами реальных мира природы – важный этап развития человеческого знания. Зоохарактери-

стики человека, возникшие на основе образного представления о том или ином животном, наиболее ярко отражают национальную самобытность алтайского языка через систему оценочных образов, характерных для данного этноса.

Список литературы

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- Алтайско-русский словарь [АРС] / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- Баскаков Н. А.** Диалект кумандинцев (куманды-кижи): грамат. очерк, тексты, пер., слов. / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 279 с.
- Баскаков Н. А.** Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): грамат. очерк, тексты, пер., слов. / отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- Блинова О. И.** Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Ленинград: Наука, 1972. С. 92–104.
- Гак В. Г.** К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1972. № 5. С. 12–22.
- Кумандинско-русский словарь [КРС] / сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийск. котельщик, 1995. 150 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.
- Русско-кумандинский словарь [РКС] / сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов; ред. Н. А. Дьбайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
- Русско-губаларский словарь [РТС] / сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Стернин И. А.** Лексическое значение слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.
- Топонимика Республики Алтай. Кн. 2. Онгудайский район. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2022. 202 с.
- Телеутско-русский словарь [ТРС] / сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.
- Тыбыкова Л. Н.** К вопросу о семантической структуре зооморфного образа «собака» в алтайском и русском языках // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории государства Российского: тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Бийск, 27–30 сентября 2006 г.). Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2006. С. 115–124.
- Тыбыкова Л. Н.** Этнокультурная специфика зооморфного образа «медведь» в алтайском языке в сопоставительном аспекте // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы III Всерос. тюркологической конф., посвященной 110-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). Т. 1. Языкознание, Литературоведение. Уфа, 2008. С. 252–260.
- Тыбыкова Л. Н.** Символика красоты в алтайских зооморфизмах // Этнокультурное наследие народов Алтая: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию юбилею НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2022. С. 339–353.
- Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.

- Хакасско-русский словарь [ХРС] / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1111 с.
- Щербак А. М.** Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Яимова Н. А.** Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.
- ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН; гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. II. G–P. 232 с.

Список архивных и полевых материалов

- Архив МАЭ РАН, фонд 11, дело 12, опись 1. Песни. Бийский у. Томской губ. На телеутском и русском яз. 30.07. – 03.08.1910.
- ПМА 1 – Чырбыкова В.Т., 1947 г.р., из рода ак кёбёк, образование среднее специальное; с. Яконур Усть-Канского района Республики Алтай (РА).
- ПМА 2 – Чырбыков В.А., 1972 г.р., из рода кыпчак, образование среднее; с. Яконур Усть-Канского района РА.
- ПМА 3 – Торушев И.Т., 1950 г.р., из рода сойонг, работал разнорабочим; с. Козюль Усть-Канского района РА.
- ПМА 4. – Бачиков Т.Б., 1959 г.р., из рода тодош, образование среднее специальное; с. Мендюр-Соккон Усть-Канского района РА.
- ПМА 5 – Санин Г.Д., 1966 г.р., из рода саал, разнорабочий; с. Кара-Кудьюр Улаганского района РА.

Список источников

- АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
- АФ – Алтайский фольклор / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Каинчин Д.Б. Живем в одном селении = Айлыбыс јаныс өзөктө. Рассказы. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1984. 232 с.
- КТ, АЈА – Тепуков К. Алтай јерис агару. Горно-Алтайск: Лит.-изд. дом «Алтын Туу». URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (дата обращения: 24.04.2023)
- ЛСА – Легенды Северного Алтая / Сост. Е. П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1994. 88 с.
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30)
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1026 с.
- ЧЧ – Чактырбайлы чалканга / Сост. К. Тепуков. Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2021.
- Чунижеков Ч. Мундузак. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1957.

References

- Anikin A. E.** Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, al'tayskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleoasian languages]. 2nd ed. Moscow, Novosibirsk, Nauka publ., 2000, 768 p. (in Russ.)

- Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian Dictionary]. Ed. A. E. Chumakaev. Gorno-Altai, 2018, 936 p. (In Alt. and Russ.)
- Baskakov N. A.** Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Dialect of the Kumandins (Kumandy-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Moscow, Nauka publ., 1972, 279 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A.** Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov. [Northern dialects of the Altai (Oiro) language: the dialect of the Lebedinsky Tatar-Chalkans (Kuu-Kizhi): grammar. essay, texts, trans., words]. Ch. in. Ed. K. M. Musaev; In-t yazykoznanie AN SSSR. Moscow, Nauka publ., 1985, 231 p. (In Russ.)
- Blinova O. I.** Leksicheskaya motivirovannost' i nekotorye problemy regional'noi leksikologii [Lexical motivation and some problems of regional lexicology]. *Voprosy izucheniya leksiki russkikh narodnykh govorov [Issues of studying the vocabulary of Russian folk dialects]*. Leningrad, Nauka publ., 1972, pp. 92–104. (in Russ.)
- Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian languages: in 3 vol.]. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; ch. ed. G. D. Sanzheev, red. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. Moscow, IV RAN publ., 2016. Vol. II, G-P, 232 p.
- Gak V. G.** K probleme sootnosheniya yazyka i deistvitel'nosti [To the problem of correlation of language and reality]. *Voprosy yazykoznanie [Questions of linguistics]*. Moscow, Nauka publ., 1972, № 5, pp. 12–22. (In Russ.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Ed. in Ch. O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka publ., 2006, 1111 p. (in Russ. and Khak.)
- Kumandinsko-russkii slovar': ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian Dictionary: approx. 10,000 words]. Comp. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva. Biysk, Biys. Kotelshchik, 1995, 150 p. (In Kum.)
- Rassadin V. I.** Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi yazykovoi obshchnosti [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community]. Ed. in Ch. V. Dybo. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 608 p. (in Russ.)
- Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [The role of the human factor in language. Language and picture of the world]. Ed. in ch. B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka publ., 1988, 216 p. (in Russ.)
- Russko-kumandinskii slovar' [Russian-Kumandin Dictionary]. Comp. M. B. Petrushova, V. M. Danilov, ed. N. A. D'ayim. Gorno-Altai, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (in Russ. and Kum.)
- Russko-tubalarskii slovar' [Russian-Tubalarian Dictionary]. Comp. A. S. Kuchukova; ed. S. B. Sarbasheva. Gorno-Altai, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (in Russ. and Tub.)
- Shherbak A. M.** Nazvaniya dikih i domashnih zhivotnykh v turkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki turkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]*. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 82–172 (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev. 2nd ed., add. Moscow, Nauka publ., 2001, 822 p. (in Russ.)
- Sternin I. A.** Leksicheskoe znachenie slova [Lexical meaning of the word]. Voronezh, Voronezh Uni. Publishing House, 1985, 170 p. (in Russ.)
- Teleut-Russian Dictionary / Comp. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva Kemerovo, Kemerovo book publ. house, 1995, 119 p. (In Russ. And Tel.)

- Toponimika Respubliki Altay: Kniga 2. Ongudayskiy rayon [Toponymy of the Republic of Altai: Book 2. Ongudaysky district]. BNU RA "Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov. Gorno-Altaysk, 2022, 202 p. (in Russ.)
- Tybykova L. N.** K voprosu o semanticheskoy strukture zoomorfnoy obraza «sobaka» v altayskom i russkom yazykakh [On the issue of the semantic structure of the zoomorphic image "dog" in the Altai and Russian languages]. *Sotsiokul'turnoe vzaimodeystvie altayskogo i russkogo narodov v istorii gosudarstva Rossiyskogo. Trudy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Biysk, 27–30 sentyabrya 2006 g.) [Sociocultural interaction of the Altai and Russian peoples in the history of the Russian state. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Biysk, September 27–30, 2006)].* Biysk, BGPU im. V.M. Shukshina, 2006, pp. 115–124 (In Russ.)
- Tybykova L. N.** Etnokul'turnaya spetsifika zoomorfnoy obraza «medved'» v altayskom yazyke v sopostavitel'nom aspekte [Ethno-cultural specifics of the zoomorphic image "bear" in the Altai language in a comparative aspect]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee. Materialy III Vserossiyskoy tyurkologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya N.K. Dmitrieva (Ufa, 27–28 iyunya 2008 g.) [Ural-Altai: through the centuries into the future. Materials of the III All-Russian Turkological Conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of N.K. Dmitrieva (Ufa, June 27–28, 2008)].* Vol 1. Ufa, 2008, pp. 252–260 (In Russ.)
- Tybykova L. N.** Simvolika krasoty v altayskikh zoomorfizmakh [Beauty symbolism in Altai zoomorphisms]. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Altaia [Ethno-cultural heritage of the peoples of Altai].* Gorno-Altaysk, 2022, pp. 339–353. (In Russ.)
- Tuvinsko-russkii slovar' [Tuva-Russian Dictionary]. Ed. E.R. Tenisheva. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1968, 646 p. (in Russ. and Tub.)
- Yaimova N. A.** Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipogr., 1990, 169 p. (In Russ.)

List of Sources

- Altayskie zagadki [Altai riddles]. Comp. K. E. Ukachina. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. otd-nie alt. kn. izd-va, 1981, 176 p. (In Alt.)
- Altayskii fol'klor [Altai folklore]. Comp. E. P. Kandarakova. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoe otdlenie Altayskogo knizhnogo izdatel'stva, 1988, 216 p. (In Chalk.)
- Chunizhekov Ch.** Munduzak. Gorno-Altaysk, Knizhnoe otd. Altayskogo knizhnogo izd-va, 1957. (In Alt.)
- Kainchin D. B.** Zhivem v odnom selenii. Rasskazy. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoe otdelenie Altayskogo knizh. zd-va, 1984, 232 p. (In Alt.)
- Legendy Severnogo Altaya [Legends of Northern Altai]. Comp. E. P. Kandarakova. Gorno-Altaysk, 1994, 88 p. (in Russ.)
- Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. Comp. by N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (in Altay and Russ.) (Pam'atniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30) (In Alt. and Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 2005, 1026 p. (In Russ.)
- Tepukov K.** Chaktyrbaily chalkanga [Don't get burned by nettles]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai Printing House, 2021. (in Alt.)
- Tepukov K.** Altai jeris agaru [Altai is our sacred land]. Gorno-Altaysk, Altyn Tuu publ. URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (date of access: 24.04.2023). (in Alt.)

Информация об авторе

Ойноткинова Надежда Романовна, доктор филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета

Information about the Author

Nadezhda R. Oynotkinova, Doctor of Philology, Associate Professor at Gorno-Altai State University

*Статья поступила в редакцию 21.08.2023;
одобрена после рецензирования 13.07.2024; принята к публикации 19.07.2024*

*The article was submitted 21.08.2023;
approved after reviewing 13.07.2024; accepted for publication 19.07.2024*